

Г.А. Исаченко

Санкт-Петербургский университет, факультет географии и геоэкологии
e-mail: greg@GI1395.spb.edu

**Первый отчет по проекту
«GEOGRAPHY AND IDENTITY»
(подгруппа «Landscapes»)**

**ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ И АДМИНИСТРАТИВНЫХ ГРАНИЦ
НА ОСВОЕНИЕ И ОСОЗНАНИЕ ЛАНДШАФТОВ, ЭТНИЧЕСКУЮ
И РЕГИОНАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ
(Северо-Запад Европейской России)**

Ключевые слова: государственная и административная граница, ландшафт, освоение территории, функции ландшафта

Северо-Запад Европейской России – регион, освоение и развитие которого на протяжении почти тысячи лет происходило в условиях столкновения геополитических интересов разных государств и многократного изменения государственных границ. Только в пределах западной части современной Ленинградской области в период с XIII по XX вв. проходили следующие политические границы:

1. Граница между землями Великого Новгорода (с конца XV в. Московской Руси) и Швеции, установленная по Ореховецкому договору 1323 г. (через Карельский перешеек и далее на север); сохранялась до второй половины XVI в.
2. Граница между Великим Новгородом (впоследствии Московской Русью) и владениями Ливонского ордена (XIII – середина XVI вв.).
3. Граница между Московской Русью и Швецией по Плюсскому перемирию (1583–1595 гг.).
4. Граница между Московской Русью и Швецией по Тязвинскому договору (1595–1609 гг.).
5. Граница между Московской Русью и Швецией по Выборгскому договору (1609–1617 гг.).
6. Граница между Московской Русью и Швецией по Столбовскому договору 1617 г.; Фактически перестала существовать с началом Северной войны в начале XVIII в.
7. Граница между Россией и Швецией по Ништадтскому договору 1721 г. (существовала до 1743 г.).
8. Граница между Россией и автономным Великим княжеством Финляндским (1811–1917 гг.), с 1918 граница Финляндии и РСФСР (СССР) (до 1940 г.).

9. Граница между Эстонией и РСФСР (СССР) по Тартускому договору 1920 г. (в 1940–1945 гг. граница между Эстонской ССР и РСФСР).
10. Граница между РСФСР (Ленинградской обл.) и Карело-Финской ССР по Карельскому перешейку (1940–1944 гг.).
11. Граница между СССР (с 1991 г. Российской Федерацией) и Финляндией по Московскому договору 1940 г. (подтверждена в 1947 г.).

Многие из перечисленных выше границ выполняли функции конфессиональных рубежей (между католицизмом, впоследствии протестантизмом – и православием), этнических границ (между славянским и прибалтийско-финскими этносами) и фактически являлись «демаркационными линиями» между западноевропейской и российской цивилизациями. Таким образом границы и их сдвиги в пространстве влияли на государственную, этническую и региональную идентичность людей, проживавших на рассматриваемой территории. Однако это влияние во все исторические периоды опосредовалось взаимодействием людей с конкретными ландшафтами.

У людей, живущих по разные стороны существующих длительное время государственных, административных, этнических границ, формируются свои системы отношений с ландшафтами (модели освоения ландшафтов). В результате однотипные по своим природным особенностям ландшафты по разные стороны границ могут испытывать разные воздействия. Многие государственные и административные границы благодаря их дифференцирующему воздействию на территорию хорошо читаются на космических снимках. Например, современная (существующая с 1940 г.) граница России и Финляндии на Карельском перешейке четко выделяется благодаря гораздо более дробной структуре землепользования и большей сельскохозяйственной освоенности с финляндской стороны. Нередко в облике ландшафтов проявляется не только наличие современных социальных границ, но и существование подобных рубежей в близком и далеком прошлом.

Нами предпринят анализ «последствия» политических, административных и этнических границ, существовавших в прошлом, в современных ландшафтах Северо-Запада Европейской России. Эта задача решалась на примере двух характерных территорий:

1. Центральная часть Карельского перешейка, где проходила первая официально установленная в регионе государственная граница (1323 г.) между землями Великого Новгорода и Швеции, впоследствии граница Великого княжества Финляндского и России и государственная граница СССР и Финляндии.

2. Территория, прилегающая к современной границе Эстонии и России по реке Нарве в ее нижнем течении.

Исследования проводились с использованием комплекса историко-географических и ландшафтно-динамических методов, включая натурное обследование, анализ картографических материалов, аэрофотоснимков, космоснимков, литературной и фондовой информации.

Приграничье на Карельском перешейке (1323–1940)¹

Граница, установленная по Ореховецкому мирному договору в 1323 г., не только впервые демаркировала владения Швеции и Великого Новгорода на территории от Финского до Ботнического заливов, но и разделила единую народность корела (впоследствии карелы). В результате западные карелы подверглись влиянию католицизма, а впоследствии – протестантизма и в конечном итоге стали одной из составных частей современного финского этноса. Восточные карелы, оставаясь в русле влияния православного христианства, были в значительной степени ассимилированы русским населением. Таким образом, проведение первой на территории политической границы положило начало процессу формирования различной конфессиональной идентичности двух сообществ одного и того же этноса.

Почти на всем своем протяжении в пределах нынешней Ленинградской обл. граница 1323 г. была подтверждена Тязвинским договором 1595 г. между Московской Русью и Швецией. В дальнейшем эта граница неоднократно возобновлялась как политическая или административная граница различных рангов, причем ее южная часть оказалась более устойчивой, чем северная. На южном участке – до впадения р. Смородинки (Тунгельман-йоки) в р. Волчью (Сайян-йоки) – с ней совпала граница Великого княжества Финляндского (1811–1917 гг.), с 1918 г. ставшая государственной границей Финляндии.

По верхним течениям рек Сестры и Волчьей, а также на сухопутном участке между ними по линии исторической границы сейчас проходит граница Выборгского и Всеволожского районов Ленинградской области. Это наиболее высокая (до 203 м над ур. м.) часть Карельского перешейка. Здесь преобладают сухие и заболоченные равнины на моренных супесях и песках; значительную площадь занимают верховые и переходные болота.

Анализ имеющейся историко-географической информации показал, что вплоть до начала XX в. длительное существование государственной (политической) границы, восходя-

¹ Исследования проводились совместно с А.И.Резниковым

шей к Ореховецкому миру 1323 г., не оказывало существенного влияния на облик ландшафтов по обе стороны от нее. Это было обусловлено следующими причинами:

- 1) ограниченный набор антропогенных воздействий на ландшафты, при абсолютном преобладании традиционного сельского хозяйства и выборочных рубок леса;
- 2) предопределенность характера сельскохозяйственного освоения территории ее ландшафтной структурой;
- 3) сходство этнокультурных традиций землепользования по обе стороны границы (где до конца XVI в. преобладали карелы, затем – карельские и ингерманландские финны) при полной либо частичной ее «прозрачности».

В облике ландшафта до начала XX в. преобладали леса, болота (частично осушенные) и пятна сельскохозяйственных угодий, к которым примыкали малодворные (но довольно многочисленные) деревни.

При абсолютном преобладании финнов-лютеран в населении Карельского перешейка в XIX — начале XX вв., граница между российской метрополией и автономной Финляндией не оказывала существенного влияния и на процессы формирования идентичности. Некоторые субэтнические (в том числе диалектные) различия между «южными» (ингерманландскими) и «северными» (карельскими) финнами могли обуславливать лишь различия в региональной идентичности по обе стороны границы.

Дифференцирующие функции границы проявились начиная с 1918 г., когда она вновь обрела статус государственной и вскоре стала одной из частей «железного занавеса». На изменение функций и облика ландшафтов по обе стороны границы повлияли следующие основные факторы:

- 1) выселение ингерманландских финнов, проведенное до конца 1930-х гг. на всей советской части рассматриваемой территории, и как следствие – забрасывание деревень и сельскохозяйственных угодий;
- 2) интенсификация сельского хозяйства в Финляндии, сопровождавшаяся созданием культурных лугов и расчисткой для этой цели лесов и болот;
- 3) милитаризация территории: создание оборонительных полос и размещение других военных объектов, в особенности на советских приграничных территориях (Карельский укрепленный район); милитаризация продолжалась и после прекращения существования границы как государственной.

Усилившейся дифференциации ландшафтов по обе стороны границы соответствовал идеологически направленный процесс формирования национально-государственной идентичности по обе ее стороны. При этом с советской стороны границы, в особенности после выселения ингерманландских финнов, наднациональная (государственная) идентичность активно культивировалась при снижении роли идентичности этнической.

Результаты воздействия названных выше факторов на ландшафты проявились далеко не сразу. Советская часть приграничья к началу 1930-х гг. (до выселения ингерманландских финнов, составлявших около 95% населения) имела более высокую степень сельскохозяйственной освоенности (28%). Известно, что после отмены крепостного права ингерманландские крестьяне вырубали большую часть лесов, включенных в их наделы. На финляндской стороне границы площадь сельскохозяйственных земель достигла своего максимума (около 12%) только к концу 1930-х гг.

С начала 1930-х гг. на советской части территории началось зарастание угодий и рост площади мелколиственных лесов. На финляндской части приграничья этот процесс начался только после 1940 г. и поэтому зашел не так далеко; земли здесь остались в лучшем состоянии и в советский период использовались в первую очередь. Так возникло «последствие» древней границы, которое прослеживается до сих пор. К началу 1990-х гг. на бывшей финляндской части территории около 55% прежних угодий находились в удовлетворительном состоянии (не зарастали или только начинали зарастать). На ингерманландской части территории в таком виде сохранился всего 21% бывших сельскохозяйственных земель; остальные зарастают лесом.

До начала 1930-х гг. на рассматриваемой территории было около 50 деревень. С советской стороны границы большая их часть исчезла к началу Второй мировой войны. На бывшей финляндской стороне часть деревень была уничтожена в ходе военных действий 1939–1944 гг., большинство оставшихся прекратили свое существование в ходе кампании по ликвидации «неперспективных» деревень в 1960-х – 1970-х гг. Сейчас на всей территории официально существует 6 населенных пунктов.

С конца 1980-х гг. здесь идет активное «вторичное освоение»: на месте заброшенных деревень и сельскохозяйственных угодий появились коллективные садоводства, участки с коттеджами и дачами; под эти цели отводятся также земли ликвидированных военных объектов. В результате общая освоенность территорий по обе стороны бывшей государственной границы практически выровнялась, а на бывшей территории Финляндии приблизилась к довоенному уровню.

В результате всех социально-политических катаклизмов XX в. рассматриваемая территория практически лишилась не только коренного, но и любого постоянного населения. В настоящее время наибольшую заинтересованность в местных ландшафтах имеют жители Петербурга, однако проблема влияния территории Карельского перешейка на формирование региональной идентичности петербуржцев будет предметом другого рассмотрения.

«Последействие» бывшей границы сказывается также в различном характере лесопользования по разные ее стороны. В 1930-е гг. сплошные рубки преобладали на советской части территории. Теперь картина противоположная. К востоку от границы леса относятся к пригородному Васкеловскому парлесхозу, где запрещены рубки главного пользования. К западу от границы, на территории Выборгского района Ленинградской обл., в 1980-е – 1990-е гг. была вырублена значительная часть спелых и приспевающих еловых лесов. В результате граница Великого Новгорода XIV–XV вв. прекрасно видна на современных космических снимках как восточный рубеж распространения сплошных рубок.

Граница по реке Нарве

Граница между западными владениями Великого Новгорода (впоследствии Ивангородский уезд Московской Руси) и прибалтийскими владениями рыцарских орденов (Тевтонского, затем Ливонского) определилась по естественному рубежу – р. Нарве (Нарове) – к середине XIII в. В 1256 г. датские крестоносцы заложили крепость Нарва (ныне г. Нарва) у пересечения рекой Балтийско-ладожского уступа (глинта), образуемого выходами ордовикских известняков. Окончательное закрепление границы произошло в конце XV в., когда напротив нарвского замка, на правом берегу Нарвы была воздвигнута Ивангородская крепость Московского государства (ныне г. Ивангород).

Вплоть до 1617 г. граница по р. Нарве сохраняла функции государственного, религиозного, в меньшей степени этнического рубежа, и фактически была границей западного (лютеранско-католического) и православного миров. В период почти столетнего владения шведами Ингерманландией и исхода отсюда большинства православного населения значение границы как этноконфессионального рубежа существенно снизилось. После Северной войны прибалтийские владения шведов, поглотившие территории Ливонского ордена, были включены в состав России. В XIX – начале XX вв. г. Нарва и участок левобережья реки до ее устья входили в состав Петербургской губернии. Согласно Тартускому договору 1920 г. с независимой Эстонией государственная граница с РСФСР (затем СССР) прошла восточнее р.

Нарвы, отведя к Эстонии г. Ивангород и несколько деревень так называемой Западной Ингерманландии. С 1945 г. граница по р. Нарве была восстановлена как рубеж Ленинградской обл. и Эстонской ССР; с 1991 г. эта граница вновь функционирует как государственная.

В ландшафтном отношении территория по обеим берегам р. Нарвы в ее нижнем течении представляет собой низменную равнину, для которой характерно чередование узких и длинных песчаных береговых валов, покрытых сосновыми и еловыми лесами, заболоченных понижений и гряд реликтовых дюн с сосняками. Кроме того, имеются довольно крупные верховые и переходные болота. До середины XIX в. функции ландшафтов по обе стороны государственной (затем административной) границы практически не отличались. Из-за отсутствия крупных массивов пригодных для сельского хозяйства земель местное население занималось в основном рыболовством в Финском заливе, реках Нарва и Россонь. В качестве сенокосов использовались в основном поймы рек, в том числе острова. В этническом отношении на левобережье Нарвы преобладали эстонцы-лютеране, на правобережье – финны-савакот, также исповедовавшие лютеранство, и православные ижоры. Русское население повсеместно составляло меньшинство. Соответственно, можно предположить существование различий в идентичности населения по обе стороны границы в основном на этническом уровне.

Картина освоения территории резко изменилась в последней трети XIX в., особенно в связи с постройкой железной дороги Петербург–Ревель. На левобережье Нарвы возник курорт Гунгербург (Усть-Нарва, ныне Нарва-Йыэсуу) – популярнейшее место отдыха петербургской и московской интеллигенции. Отдыхающих сюда привлекали мелководный и хорошо прогреваемый летом Финский залив с широким песчаным пляжем, песчаные дюны, обилие сухих сосновых лесов и, наконец, неспешный уклад местной жизни. На курорте строились многочисленные дачи, создавалась соответствующая инфраструктура и окультуривался ландшафт в целом (в частности, проводилось осушение заболоченных понижений, изобиловавших москитами).

По-видимому, уже на рубеже XIX и XX вв. Усть-Нарва, хотя и располагалась формально на территории Петербургской губернии, имела сложившийся образ курорта западного типа. Несомненно, на этот образ влияло расположение по западную сторону от прежней 350-летней границы «двух миров». После включения Эстонии в состав СССР район Усть-Нарвы стал одной из курортных зон всесоюзного значения. Здесь появились крупные рекреационные учреждения, известные во всем СССР (например, молодежный лагерь «Норорус»). При этом относительно высокий уровень комфортности курорта способствовал «вес-

тернизации» образа Нарвы-Йыэсуу; еще более это впечатление усиливалось благодаря соответствующей репутации Эстонии среди республик СССР. Необходимо учитывать, что в послевоенные годы в результате планомерной миграции в северо-восточной Эстонии (в том числе в районе Нарвы) стало преобладать русское население. Однако многочисленные отдыхающие в Нарва-Йыэсуу (в том числе и главным образом москвичи и ленинградцы), находясь практически в русской этнической среде, явно ощущали «дуновение Запада», что не могло в какой-то мере не влиять на их собственную этнокультурную идентификацию. Данный феномен «удаленного формирования идентичности», несомненно, требует дальнейшего изучения.

Рекреационное освоение практически не коснулось правобережья Нарвы. Этому препятствовали в разное время: пограничный статус территории в период существования Эстонской республики до 1940 г.; возведение советского укрепрайона «Кронштадт-2» поблизости – на Кургальском и Сойкинском полуостровах; установление режима пограничной зоны на всем правобережье после 1945 г. (хотя реальная государственная граница отодвинулась далеко на запад); создание на Кургальском полуострове «заповедника» для охоты и отдыха номенклатурных работников (до начала 1980-х гг.).

Однако, наряду с названными «видимыми» причинами, можно предположить еще одну: длительное нахождение правобережья Нарвы по восточную сторону границы «двух миров» обусловило невосприимчивость этой территории (несмотря на смены этнического состава населения) к «западным» моделям освоения ландшафтов типа устройства курортов европейского типа.

В результате современные ландшафты правобережья р. Нарвы вблизи ее устья не очень сильно отличаются от облика территории 150–200 лет назад. К существовавшим здесь сотни лет небольшим деревушкам (где финское, эстонское и ижорское население сменилось в основном русским), добавилось несколько детских лагерей и баз отдыха, а также погранзастава. Немалая часть расчищенных ранее (особенно в понижениях между береговыми валами) сельскохозяйственных угодий зарастает лесом и заболачивается. Широкие (до 100–150 м) песчаные пляжи на Финском заливе остаются по-прежнему «дикими».

Итак, можно констатировать, что на данной территории, где сходные ландшафты почти 500 лет осваивались в пределах разных государственных образований и культурных традиций, диверсификация ландшафтов произошла в периоды, когда разделявшего их политического рубежа формально уже не существовало. Сложившуюся на левобережье Нарвы «западную» модель использования территории, вызванную к жизни рекреационным бумом,

можно рассматривать как «последствие» длительно существовавшего важнейшего политического и религиозного рубежа. Восстановление государственного статуса границы по реке Нарве (1991 г.) способствует постепенному усилению различий в идентичности при практически одинаковом национальном составе населения с обеих сторон приграничья (преобладают русские).

Выводы

Влияние государственных (политических) границ на окружающие ландшафты носит инерционный характер. Оно может проявиться не в период существования границы, а многими десятилетиями (и даже столетиями) позже, как видно из приведенных примеров. При этом важны два обстоятельства.

Во-первых, усиление дифференцирующей функции границ резко возрастает при увеличении разнообразия видов использования территории (функций ландшафтов). Так, в рассматриваемом регионе наиболее ощутимые для современных ландшафтов эффекты воздействия политических границ восходят к тому периоду XX в., когда границы были «на замке». В тот же период резко обозначилось направленное формирование государственного (наднационального) уровня идентичности у населения с обеих сторон границ.

Во-вторых, эффекты «последствия» давно не существующих политических границ во многом связаны с полным или частичным унаследованием их границами гораздо более низкого ранга – областей, административных районов, волостей (приходов), лесохозяйственных предприятий и т.д. Влияние данных границ на процессы формирования идентичности удается проследить уже далеко не всегда. При этом территория, полностью либо частично лишенная прежнего населения («субъекта идентичности»), может стать «объектом региональной идентичности» для территориально удаленных сообществ людей (например, жителей крупных городов).